— Значит ли это, что из сквибов получатся хорошие ингредиенты для зелий? — этот нездоровый вопрос соскользнул с губ Тонкс прежде, чем она успела хорошенько подумать.

Гарри выглядел довольным, если судить по его ухмылке.

— На самом деле, это так. Пелагиус Блэк, присоединившийся к семье Блэк, в XIII-ом веке провёл обширное исследование на эту тему и узнал, что части тела сквиба могут быть использованы для приготовления высокоэффективных целебных зелий и мазей, а также не менее эффективных ядов. Очевидно, Блэки держали это в тайне от остальных.

— Очевидно, — пробормотала Тонкс в знак согласия. Конечно, такие вещи были крайне незаконны. Может быть, в XIII-ом веке и не было Министерств Магии, а «магическое сообщество» представляло собой скорее разрозненное сборище семей, но она была уверена, что использование людей в качестве ингредиентов для зелий не было бы ими одобрено, хотя бы лишь для того, чтобы не создавать очень опасных прецедентов.

— Итак, как я уже говорил, пока меня очень грубо не прервали, мысли волшебников и ведьм проникают в окружающий нас мир, пытаясь изменить его в соответствии с нашими представлениями, когда эти представления вступают в противоречие с реальностью. В большинстве случаев эффект незначителен… например, свежевыкрашенная стена, очевидно, не будет автоматически высыхать сама по себе только потому, что мы хотим, чтобы она стала сухой. Однако заклинания — это ментальные конструкции, и они гораздо более уязвимы для чужих мыслей.

— Не означает ли это, что заклинания вообще не должны действовать на других волшебников?

Гарри нахмурился.

— Я не совсем правильно всё объяснил. Думай об этом как о… незавершённом заклинании, похожем на расплавленную сталь, мягкую и податливую. Но ты не можешь придать мечу нужную форму, когда сталь остынет. Понимаю, аналогия не самая точная: некоторые заклинания, такие как заезженное Акцио, относятся к мягкому типу, которые обычно не работают, когда достигают границ ауры другого человека. Только в случаях огромной разницы в силе — под огромной я подразумеваю Дамблдора и среднего первокурсника или что-то подобное. Так вот, только в таком случае один волшебник может полностью игнорировать заклинания другого.

— Тогда каким образом ты проигнорировал моё первое оглушение? Потому что я уверена, что мы не настолько разнимся друг от друга по силе.

— Я не проигнорировал его, я был готов к нему. Аура ведьмы или волшебника большую часть времени находится в нейтральном состоянии и обеспечивает лишь минимальную защиту от входящих заклинаний. Аура того, кто находится в бою, сильно напряжена и возбуждена, но всё равно не обеспечивает приемлемой защиты. Я научился управлять своей аурой и подготовился к тому, чтобы противостоять твоему оглушению. Если вернуться к предыдущей аналогии с мечом, то твоё первое заклинание было подобно стеклянному лезвию, и его мощь с лёгкостью была разбита. Второе оглушение было стальным и потребовало от меня больших усилий, чтобы выстоять.

— Серьёзно?

Это был какой-то бред.

— Не смотри на меня так, это не очень полезно в бою, поскольку заклинания щита гораздо более универсальны, эффективны и просты в использовании. В целом это просто хорошее умственное упражнение и трюк, чтобы выглядеть крутым.

— Это всё равно какой-то бред, — ворчала Тонкс.

— Ты хочешь научиться этому?

— Конечно, блядь, хочу.

— Тогда займись медитацией.

На этот раз Тонкс всё же застонала. Она так много медитировала с тех пор, как начала учиться у Гарри, что появилась реальная опасность случайно перейти в буддизм. Тем не менее она была очень упорной и больше не жаловалась.

Если уж на то пошло, это улучшало её Окклюменцию.

Гарри отошёл подальше и заговорил, как только она устроилась.

— Вспомни, о чём мы только что говорили, и чему ты научилась до этого. Твоя душа привязана к твоему телу, но не является его частью. Твой разум является функцией твоего мозга, но не ограничивается им. Твоя магия существует на пересечении разума, тела и души, что является сутью нашего существования и средоточием нашей силы. Как метаморфомаг, ты, как никто другой, не скована ограничениями своей плоти. Отключи физическое воздействие и обрати своё внимание вовнутрь. Перестань смотреть, перестань слушать и перестань чувствовать — всё это лишь отвлекает и не поможет тебе здесь. Магию нельзя услышать, её нельзя увидеть, потрогать, попробовать на вкус или понюхать, её можно только познать.

— Ты хочешь, чтобы я превратила себя в овощ? — недоверчиво спросила Тонкс.

— Скорее, в мозг в банке, — сказал он с раздражающей ухмылкой.

— Меня это не сильно устраивает.

— То, что толкает нас дальше, всегда нас не устраивает.

— И превращение себя в маринованный мозг далеко меня толкнёт, да?

— Надеюсь на это.

— Хорошо, но если я это буду делать, то только лёжа, — хмыкнула Тонкс.

— Без проблем.

***

Гарри глядел на неподвижное тело своей бывшей девушки, лежавшей на удобном диванчике. Флёр и Луна уже давно ушли.

Дора справлялась со всем хорошо, и так продолжалось уже какое-то время. Пришлось постараться, чтобы заставить её перестать воспринимать магию как должное, но ему это удалось, и с тех пор её аура неуклонно набирала силу.

Странно, конечно, что магия делает с людьми, как меняет их, как она отдаляет их от общепринятых человеческих стандартов. Большинство волшебников и ведьм были слабыми, совсем не думали о своих дарах и не испытывали бы больших неудобств от их потери, если бы знали, как жить, будучи обычными людьми.

Сильные же думали иначе. Разница была трудноуловима, но её можно было заметить, если знать, что искать.

Как он и говорил Доре. Мысли магов не ограничивались их черепом и не были зажаты окружающим их миром. Их ауры постоянно стремились изменить зону своего непосредственного влияния.

Гарри уже заметил, что теперь, распаляя свою ауру, он может вывести из строя электронику, чего не мог сделать раньше. Вопрос о конфликте магии и электричества интересовал его с тех пор, как он впервые о нём услышал, но британцы, как и следовало ожидать, не приложили особых усилий для выяснения всех подробностей. Гарри предполагал, что это происходило потому, что электроника работает на основе очень точного применения законов физики, а поскольку он не знал мельчайших подробностей того, как она работает, его аура разрушала технику, когда он распалялся. С Хогвартсом и другими местами с сильной магией разобраться было немного сложнее, но он решил, что мощная концентрация магии также искажает и законы физики. Лучшего объяснения у него пока не нашлось.

Но не это было самым интересным побочным эффектом. Нет, самым интересным был эффект, связанный с их взаимодействием с другими магами. Как он уже говорил Доре несколько месяцев назад, обычная, немагическая часть человечества была замкнута и глуха к магии. Даже самый слабый волшебник обладал достаточным магическим самосознанием, чтобы видеть заклинания, а они — нет.

Но эта неспособность слышать магию давала и преимущества. Во-первых, они были невосприимчивы к воздействию чистой магии.

Души сильных мира сего имели особый вес, они притягивали к себе тех, кто был слабее их, как гравитация звезды притягивала к себе планеты, вращающиеся вокруг неё. «Соединение» было более утончённой, сфокусированной версией этого эффекта, которая также обходила обычные барьеры, воздвигаемые людьми, но у каждой ведьмы или волшебника была своя аура влияния. У исключительно могучих она была достаточно сильна, чтобы влиять на других. Она оказывала незначительное влияние на тех, кто не присматривался к тому, кто оказывал влияние, так как вышеупомянутые барьеры блокировали львиную долю этого воздействия, но это всё же можно было заметить.

Волдеморт делал это со своими последователями, Гарри видел это по тому, как аура Паркинсона затрусила, словно побитая собака, когда он ударил о неё своей собственной. С Макнейром и Кэрроу вышло также. Пожиратели Смерти привыкли к тому, что их травит кто-то гораздо более могущественный, чем они.

Несмотря на все усилия, которые Дамблдор прилагал, чтобы создать образ хорошего парня, он тоже этим занимался. Это было видно по тому, как его последователи слепо ему доверяли. Гарри наблюдал это у МакГонагалл и узнал о подобном поведении из рассказов Сириуса. Дамблдор хотел, чтобы люди поступали в соответствии с его планами, а тех сосунков, которые верили в то, что он — чуть ли не величайшее, после нарезанного хлеба, творение, аура старика затягивала ещё глубже.

Иногда Гарри задавался вопросом, делают ли они это умышленно, как он, а не только пассивно. Возможно, оба варианты верны, ведь они были достаточно могущественны, поэтому не могли не контролировать такую способность. Он также задавался вопросом, не в этом ли заключалась первопричина попыток Дамблдора показать себя в роли наставника. Хотел ли он, чтобы Гарри также притянуло к его орбите? Или он просто никого, кроме себя, не считал достаточно мудрым, чтобы обладать такой силой? А себе-то он доверял? Была ли это причина того, почему он был таким вялым? Или правда была куда мрачнее: директор использовал Хогвартс, чтобы влиять на каждого магического ребёнка, который обучался в его стенах?

Гарри решил, что, скорее всего, он никогда этого не узнает, учитывая то, как Дамблдор

держал при себе свои знания. Но не то чтобы у него было много поводов для разговоров на эту тему. Гарри был рад, что портреты его бабушки и дедушки привили ему глубокое недоверие к чужим людям. Это помогло ему не быть затянутым, пока он оставался слаб.

…

http://tl.rulate.ru/book/17817/1342440